

Неделя, 1984, окт., № 43.

КАРТА — БАЛЕТ

Их работа — постоянная борьба с собственным телом, с каждой его мышцей и суставом. Повторение до темных кругов в глазах одних и тех же упражнений для достижения пластики, гибкости, «выворотности». А вечером — к рампе, на безмолвный диалог со зрителем. Цветы и аплодисменты — лишь видимая всем сторона балетной жизни. А в той, другой, скрытой от посторонних глаз, далеко не все так легко и красиво, как на сцене. Это — «кухня» балета, его так называемый черный хлеб.

10.00 утра. У станка в одном из репетиционных залов Ленинградского академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова — два десятка людей, и масляные, и начинающие солисты: заслуженная артистка РСФСР Ольга Лиховская, лауреаты международных конкурсов Ирина Чистякова, Сергей Вихарев, совсем еще юная Жанна Аюпова... Форточки настежь, пол увлажнен, халаты сброшены: «И-и, начали!» Батман вперед, в сторону, назад. Стенное зеркало отражает, как усердно тянут ноги артисты. Опорная — струной, колено словно вдавилось внутрь... Похрустывают суставы, все тяжелей дыхание, заблестели лица. Но педагог неумолим: «Тяни, тяни носок!», он подходит к одной из балерин и хлопает ее по ступне. Наконец короткий отдых. Руки сразу потянулись к полотенкам; многие бессильно опустили на пол, прямо там, где стояли.

го-то распекают за то, что напугал порядок движений; кто-то «недотянул» ногу, махнул не той рукой; кому-то предлагают похудеть...

Неспокоен сон у балетмейстеров и педагогов-репетиторов. Как их воспитанники проводят отпуск? Делят ли зарядку, не слышим ли много жарюют, не перебирают ли с конфетами? Сколько радости вызывает у юных балерин обычный бутерброд с колбасой, еще и намазанный маслом для полноты праздника!

...После «класса» — репетиция. Надеты шерстяные гетры, специальные брюки и куртки. Телу жарко, но это и важно — чтобы оно не остывало. В центре зала — заслуженная артистка РСФСР Алтынай Асылмуратов и лауреат международного конкурса Фарух Рузумагов. В глазах обоих — неподдельное страдание: в пятый раз, в десятый, в двадцатый начинают с одного и того же места. То и дело раздаются хлопки преподавателя и обрывается музыка.

— Не так! — восклицает педагог Ольга Моисеева, народная артистка СССР. — Нет гармонии! Еще раз!

Не клеится. Пируэт, еще пируэт. «Все, больше не могу», — срывается с пересохших губ танцовщика. Но педагог настаивает: надо! Ты же можешь!

Каждый день у них по 5—6 часов занятий: уроков, экзерсисов, репетиций. Когда мы с Моисеевой вышли из зала, в коридоре я увидел: одна из балерин усе-

БАЛЕТ: НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ

— И двести лет назад, и теперь в балете неизменными остались боль и усталость, — говорит мне главный балетмейстер театра, народный артист СССР О. Виноградов. — Выдерживают лишь те, кто живет балетом днем и ночью. Для этого надо быть чуть-чуть не от мира сего. Если у нас что-то не болит, значит, плохо работаем...

Еще занятия. Его ведет народная артистка СССР Габриэла Комлева. Я уже наблюдаю ее в работе над спектаклем: выкладывавшая так, что ее партнер Евгений Нефф напоминал марафонца после финиша. С таким же рвением выполняют упражнения и ее ученики. Деревянный пол у станка, где трудятся, к примеру, Тая Русанова, Галя Рычагова, Ира Ситникова, протерся от упражнений. В конце занятия одна из девушек сняла туфлю; пальцы сбиты в кровь.

После урока все потянулись к автомату с газированной водой (его здесь зовут «источником жизни»). За одно занятие артист балета теряет в весе до двух килограммов. За день занятий он пробегает в прыжках около семи километров... Пьют воду с редким наслаждением. Я подумал: может, она тут особенная? Встал в очередь к автомату. И слышу, одна подружка говорит другой: «Еще подстаканичка. Ах, Миша не заметит». Но подавился ей, партнер Миша, и возмутился: «Мне же тебя на вытянутых руках поднимать!»

Потом к «источнику» подошла та, что сбидла пальцы (они уже забинтованы). Я познакомился с ней: Валерия Карпина, одна из 120 артисток кордебалета.

— Травмы нередки, — говорит Валерия. — Терпим. Честное слово, мое же наше профессии нет, — и, поморщившись, поправила повязку на пальцах.

Бывает, мы аплодируем артисту, а в театре его завтра ждет разнос. На доске объявлений после каждого представления появляется подобие рецензии — конкретные замечания по спектаклю. Ко-

гда в «шпагате» и стала вязать. Решила отвлечься в перерыве, а «шпагат» — профессиональная поза. Идем по длинным коридорам, из-за дверей порой доносится пение: работает опера. Кто-то баритонсом затянул: «Лю-блю-ю дирекцию театра-а!»

В буфете — час пик. Моисеева смотрит на буфетную витрину:

— Пирожков уже нет. Значит, хор успел раньше... Вся наша радость — чай с лимоном. Это и есть обед балерин. Чай на первое, ну, а лимон соответственно на второе. Чтобы поддержать идеальный вес — не более 48 килограммов, — иные балерины питаются по особой диете. Но важно и не перекудеть, чтобы не сдуло сквозняком со сцены. Дабы определить, годятся ли они еще в балет по комплекции или нет, становятся бедро к бедру. Если проходят вдовое в узкие двери, значит, пока годятся.

И вот — спектакль. Стою за кулисами. В десятый шаг от меня, на сцене, артисты искривят улыбки, поражают зрителей своей воздушностью. Вот один из них уходит со сцены, и за кулисами: «Ноги не держат!» — валится на пол. К нему спешит «скорая закусилная помощь»: врач, массажист, гример...

Подали кислородную подушку. Замелькали руки массажиста. Костюмер осматривает обувь (по три пары балетных туфель «сторает» у солистов за спектакль)

Пример подправляет размякший грим. Смотрю на танцовщика. Не верится, что сейчас он встанет и снова пойдет на сцену.

Режиссер отсчитывает музыкальные такты. Десять... восемь... семь... Артист вскакивает и изящным прыжком вылетает из-за кулис.

Под гром аплодисментов...

Владимир ШЕРБАНЬ,
спец. корр. «Известий».

ЛЕНИНГРАД.